

Призрак бродит по России, призрак византизма

Существует мнение, что тоталитаризм и авторитаризм у нас обусловлены некой извечной российской «матрицей»... Эту матрицу часто отождествляют с религиозным выбором: полагают, что такова по природе своей «православная цивилизация», – со своими особенностями социальной организации, со своей «политической теологией», которая сохраняет актуальность даже в нерелигиозном уже, по преимуществу, обществе... Так, экономист Андрей Илларионов к 500-летию Реформации пишет характерную статью о «стратегической ошибке» князя Владимира, – подразумевается, конечно, принятие крещения из Константинополя, что определило, по мнению автора, наше хроническое отставание от Западной Европы, – как в экономической, так и политической сфере. Православие, утверждается в этой статье, – это не только «верования» и «образцы архитектуры», но «прежде всего *определенный набор правил поведения* – между самими верующими, между верующими и неверующими, между людьми и властью. Этот кодекс является одним из самых мощных и долгосрочных по времени и силе воздействия на различные стороны человеческого бытия»¹. В свою очередь доктор философских наук Вадим Межуев в своей публичной лекции о сталинизме и марксизме настаивал на том, что последний не имеет никакого отношения к первому: Россия оставалась всегда «Востоком» (в понимании позднего Маркса), то есть в России история по-настоящему еще не началась, и те механизмы перехода от одной формации к другой, которые описал Маркс, не вступили в действие, да и не могли вступить, – и поэтому нельзя говорить ни о каком социализме в СССР. Причина хронического отставания Востока, само согласие масс на архаичный порядок вещей, продолжает философ, заключается в том, что власть была «сакральной», а сакральность власти, «религиозную легитимацию» ее Межуев выводит из выбора конфессии – православия. Отсюда его вывод: православие «нас держит канатами в прошлом»².

В общем, и правые, и левые сходятся в том, что неудачи модернизации России связаны с восточной, византийской христианской традицией, –

---

¹ Илларионов А. Н. Стратегическая ошибка обоих Владимиров // «Независимая газета», 30.10.2017.

² Межуев В. М. Марксизм и сталинизм. Выступление на семинаре «Революция 1917. 100 лет». Код доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=CNHbl8nvjyM>

например, с тем, что она воспитывает отношение к власти как к чему-то сакральному. «Почему народ не идет за нами, а готов полностью довериться любому проходимцу-узурпатору и предоставить ему полноту неограниченной власти?» – задаются они вопросом и отвечают: из-за византизма, из-за матрицы сакральности власти; именно он блокирует гражданскую активность масс и переход общества к демократии.

Сейчас, когда в накаленной общественной атмосфере носятся хлесткие фразы о мракобесии, клерикализме, о тандеме церкви и репрессивного государства, о проклятье русской истории, навсегда отравленной византизмом, – сейчас самое время взяться за эту тему и прояснить какие-то элементарные вещи.

Вообще, вопрос о том, каким образом религия связана с политической и экономической жизнью, – вопрос в высшей степени сложный, требующий, во-первых, уточнения понятий, во-вторых, анализа огромной исторической фактуры. Требуемый, наконец, сравнений: а как в других странах византийской традиции: в Грузии, в Болгарии, в Черногории?.. Воспроизводится ли там та же матрица отношений между народом и властью?..

Так, самой непосредственной наследницей Византии является Греция, – страна, у которой много проблем, но в их числе уж точно нет никакой «сакрализации власти». Наоборот, вся история Греции после освобождения от турецкого ига – это череда смен режимов и правительств, оживленная партийная борьба и достаточно высокая протестная возбудимость широких слоев населения. При этом православное духовенство всегда играло самостоятельную политическую роль, – и не только епископат, но и священники. Стоит упомянуть и о влиятельных православных братствах, действующих параллельно, а то и вопреки иерархии, – впечатляющий пример инициативы снизу. Огосударствление церкви в Греции – это результат сделки с государством, при котором государство обязуется содержать православное духовенство в обмен на конфискованное у церкви имущество. То есть даже «симфония» сформировалась на контрактной основе... Если говорить о Грузии, то там православие утвердилось задолго до крещения Руси, однако и в нынешней Грузии мы не видим никаких признаков отношения к власти как к чему-то сакральному. Не видим мы этого и в Украине, да и вообще больше нигде... «Византизм» нигде, кроме России, не наблюдается. Не было его и в самой Византии, где демос часто выходил на

сцену истории, вмешиваясь в государственную политику, меняя царей и династии.³

Диалектика власти по-византийски

Итак, хотя вопрос этот, повторюсь, очень непростой, попробуем все-таки разобраться, в самых общих чертах, как смотрели на власть в византийской традиции, и что такое «сакрализация власти», о которой так часто приходится слышать... Пренебрежем различиями между Византией и Московской Русью (а они значительны), между книжным учением Церкви и народными, фольклорными представлениями (они тоже значительны), – рассмотрим проблему по самой упрощенной схеме. Так вот, при ближайшем рассмотрении мы обнаружим, что сам термин «сакрализация власти» есть результат недопустимого смешения двух понятий:

1. сакральной власти, и
2. «всякой власти», которая, по слову апостола Павла, от Бога.

Разница, как легко заметить, принципиальная. В Византии, действительно, существовало понятие *сакральной власти* – власти христианского императора, главы христианской ойкумены, внешнего епископа Церкви. Та же категория сакральности была перенесена на московского царя и российского императора: они – помазанники, получившие помазание от архиерея, по образу библейских царей. Они – верные сыны Церкви, защитники догматов, которых Церковь благословляет на венец и престол, и молится за них. И вот, русские люди привыкли жить в этом мире сакрального царства, быть подданными «белого царя», правящего Святой Русью «не человеческих многмятежным хотением», а по небесному, если можно так выразиться, декрету.

Но что это объясняет в истории советского и пост-советского периода? Ровным счетом ничего. Дело в том, что само понятие «сакрального» с необходимостью предполагает наличие и «профанного», не-сакрального. Потому-то мы и выделяем православного византийского императора перед персидским шахом или монгольским ханом, – что его власть, – кесаря ромеев, – священна, получила благословение Святой церкви, – то есть

---

³ В IX веке патриарх Фотий жаловался в письме папе римскому Николаю, что он вынужден быть патриархом в Константинополе, где народ отличается своеволием и дерзостью: раздражается и бунтует, если правительство ему не уступает, и всегда хочет большего, если правительство все-таки прислушивается к голосу толпы.

действительно обладает особой, религиозной легитимностью. Да и само благословение со стороны Церкви предполагает какие-то условия. Если мы имеем саму идею *сакральной* власти, то мы будем, как минимум, прилагать ко всякой власти некие мерилы сакральности, и проверять ее соответствие оным. То есть понятие сакральной власти совершенно не делает всякую власть сакральной и неприкосновенной – что вменяют российской «матрице».

Показателен случай старообрядчества. Для старообрядцев понятие священного Царства было очень важным. Они действительно считали центром христианского мира не Константинополь, а Московское царство, престол благочестивых московских царей, – в отличие от Никона, для которого важнее была вселенскость Церкви, ее единое предание. Для противников Никона греки и вселенский патриарший престол в Константинополе не обладали таким авторитетом, как устоявшийся уже уклад старой Руси, – потому что у греков уже не было христианской государственности, а у русских она была. Но когда стало очевидно, что русское царство не собирается отказываться от реформ Никона, – а надежды на это теплились даже еще в регентство Софьи, – эта власть для них перестала быть сакральной, и старообрядцы перешли к различным формам *бойкота* власти – от самосожжений до максимальной самоизоляции и создания параллельных сетевых структур, – довольно успешных экономически, как мы знаем. Впоследствии их потомки как-то органично перешли к финансированию русской революции.

Понятие сакральной власти сейчас – это реликт, который существует только в виде маргинальной субкультуры, и никакого отношения к массовому сознанию не имеет, – реликт не только для нашего вполне секулярного общества, но и в самой православной церкви эта субкультура имеет изоляционистский, сектантский, маргинальный характер. Аутентичных носителей этого правосознания уже нет. Мы уже не московские люди XVII века. Но даже в старой Руси, напомним, было все-таки понятие *воровства*, то есть самозванничества, узурпации, – и воцарение *вора* мыслилось как вполне возможная перспектива. То есть мыслилась все-таки *возможность* не-сакральной, нечестивой власти. *Всякая* власть не может быть неизбежно сакральной – это лишает смысла само понятие сакральности. Если всякая власть сакральна, почему восстала Вандея? Вандейцы твердо держались понятий о сакральности королевской власти, поэтому и восстали против нового республиканского режима, с горячей убежденностью в правоте своего дела. И для КНР институт далай-ламы в Тибете с самого начала рассматривался как проблема, а не подспорье: что народ-де привык подчиняться сакральной власти, будет подчиняться и нам, и поэтому нам

нечего беспокоиться о Тибете. Нет, китайцы отнесли к этому очень серьезно. Потому что матрица сакральной власти механически не переносится на всякую власть. И Сталин справедливо видел опору своего режима вовсе не в духовенстве и крестьянстве с его архаичной идеей о царе-батюшке. Потому и потребовались массовые репрессии против этих двух сословий, что Сталину нужен был *новый* человеческий материал, утративший живую связь с какой-либо традицией, с историческим прошлым. Историческое прошлое для советского человека Сталин конструировал сам, заново.

Что имел в виду апостол Павел. Политический опыт Востока.

Теперь второй пункт: «всякая власть от Бога». Именно эту фразу возвещает какой-нибудь толстый поп на карикатуре, высмеивающей сервиллизм РПЦ. Именно из-за этой фразы либералы, социалисты и анархисты XVIII-XIX веков так враждебно относились к христианской церкви. И пожалуй, эта фраза у всех, – абсолютно у всех, – вызывает внутренний протест. Но в ней всего лишь заключен принцип, противоположный первому пункту. А именно: принцип *десакрализации* власти.

У израильского народа тоже было понятие сакральной власти, – власти царя иудейского. Такой власти желали евреи, когда восстали против римского владычества. Для них было невыносимо, что святым народом, святой землей управляет не сакральная царская власть, не кошерная, так сказать, а языческая, чуждая Израилю, его семени и закону. И, вероятно, имея в виду возможность такого рода предубеждений, апостол Павел говорит первым христианам, преимущественно иудеям, что вообще-то «нет власти не от Бога» (Рим.13,1): пусть *носящий меч* и язычник, но, обуздывая злых, он делает божье дело, – вот в чем простой смысл его изречения из «Послания к Римлянам». Павел исходит из универсальности принципов правопорядка, общих всему человечеству. Он выступает здесь как человек Нового времени, который ставит оценку власти в зависимость не от степени ее сакральности, а от функциональности, пользы, от соответствия общему благу.

Это видно также из того, что Павел не просто провозглашает лояльность всякой власти, но объясняет свой резон: «ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых» (Рим.13,3). «Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель и наказание делающему злое» (13,4). Мы не определяем тут добро и зло исходя из того, что от нас требует власть как высшая инстанция, – как если бы это была власть, скажем, сакральная. Наоборот, любую власть мы приемлем, хотя бы и не сакральную, если она соответствует неким универсальным

правовым нормам, которые первичны, очевидны. То есть в данном случае апостол говорит исключительно о власти, которая творит добро, пусть она и языческая.

Однако то, что власть сама может творить зло, Павел не только мог себе представить, но, как бывший фарисей, прекрасно знал это из священной истории своего народа... Но библейская история всегда, в самых страшных политических бедствиях видела смысл, некое испытание или наказание. Ничего ведь без воли Божьей не происходит... Бывает и так, что Господь отдает людей своих под власть злых правителей. Бывает, что власть творит зло, – как Ирод приказал убить младенцев в Вифлееме... И вот, непостижимый Бог не дал православным грекам выстоять против турецкого нашествия, и поэтому им ничего не оставалось другого, кроме как, скрепя сердце, принять власть султана как власть от Бога. Греки предпочли бы сохранить священную империю ромеев, и до сих пор мечтают вернуть Константинополь, но вынуждены были как-то мириться с другим решением Бога и осмысливать его *религиозно*. В XVIII веке великий святой Косма Этолийский говорил грекам: «брось собаке кость», – подразумевая: заплати налог туркам, поскольку «собака» тебя «охраняет», – то есть османское правление промыслительно, предусмотрено Богом для нашей пользы. При этом он постоянно воодушевлял греков грядущим освобождением Эллады и боролся за сохранение греческой культуры. Турки видели в Косме угрозу и он был убит.

Весь христианский Восток прошел через этот опыт. Владычество монголов, персов, арабов, турок, – все это было достаточно надолго, чтобы эта формула («всякая власть от Бога») приобрела характерный для Востока оттенок фатализма. Восток слишком долго находился под впечатлением неумолимой мощи разрушительных сил истории, – сил, превосходящих, как выяснилось, его возможности к сопротивлению. Но этот политический фатализм – не есть какая-то особенность восточного христианского вероучения, византийской традиции. Это – историческая судьба. В отличие от латинского Запада, византийский мир находился в прямом соседстве с силами Великой Азии и наконец пал в изнурительной борьбе с ними – и пал надолго. «Всякая власть от Бога» – это не восторг сервилизма, а стоическая готовность к любым историческим сценариям, к длительным темным периодам, и готовность видеть в них промыслительное значение (порой неочевидное), ясно осознавая при этом их зло. Увы, эта установка очень часто переходила в уныние, апатию, исторический пессимизм. Константин Леонтьев полагал, что этому пессимизму мы и должны учиться у народа: его

восхищало, что простолудин вообще не ждет от власти ничего хорошего, и Леонтьев считал это здоровым историческим сознанием.⁴

Фашизм и его тип легитимности

С либеральной точки зрения этот восточный фатализм крайне непродуктивен для развития демократии. Это понятно. Равно как и вера в «божественное право королей» (идея сакральной власти)... Но непродуктивными они являются и для тоталитарных диктатур, – к чему Россия будто бы культурно предрасположена в силу своего «византизма». Тоталитаризм склонен превозносить своего вождя: фюрер сам в себе легитимен, – уже тем, что он гениален, у него стальная воля и т. п. А легитимность, основанная на традиционном сакральном институте, с целым набором требований и оговорок, очень плохо с этим сочетается. Институт фюрера – это всегда *новый* институт. Фашизм – это всегда новый тип легитимности. Приписать себе сакральную легитимность – это для диктатора заманчиво, но очень рискованно: вместо того, чтобы быть самому источником права и закона для народа, ты сам себя ставишь в зависимость от дискурса, который не можешь контролировать, так как он был задан еще до тебя.

Так же плохо работает принцип «всякая власть от Бога». Казалось бы, любой диктатор может только мечтать о таком народе, который, что с ним не сделай, будет только приговаривать: «Это Бог нам послал за наши грехи! Всякая власть от Бога, стало быть, лучшей власти мы не заслужили!». Но тирану не нужно, чтобы его режим считали, хотя и санкционированным свыше *по факту*, но все-таки плохим, посланным в наказание. Чума тоже пощущена Богом, но это не значит, что чума – это и есть настоящее здоровье, и ни один тиран не захочет, чтобы на его власть смотрели как на болезнь, и ждали, когда свежий ветер истории унесет эту заразу прочь. Сегодня церковники твердят тирану: «Всякая власть от Бога, поэтому мы тебе полностью лояльны, только не убивай, не отправляй нас в концлагеря, не разоряй наши храмы...», – а завтра они поют молебны по поводу твоего свержения – и на этот раз искренне. Бог дал власть тирану, Бог и взял: аллилуйя!.. Диктаторы менее всего полагаются на такой тип лояльности, и не без оснований. Нет, диктатору нужно добиваться обожания, энтузиазма. Поэтому он ныряет в глубины, взмывает в поднебесье, ласкает детей и животных, – апеллируя к чувствам, а не к догматическому мышлению. Он

---

⁴ См. его статью «Как надо понимать сближение с народом?».

должен быть немножечко «сверхчеловеком» и в то же время «своим парнем»: обывателю важнее видеть в нем не что-то сакральное и неотмирное, а самого себя, как бы *идеального себя*, победившего все реальные или надуманные угрозы.

В случае России мы в самом деле имеем серьезную проблему – допустимость для массового сознания *неправовой* легитимности власти. Мы говорим о легитимности, основанной на аффекте, на мощных психологических комплексах, – а вовсе не на религиозной дисциплине послушания, или на какой-либо отвлеченной религиозной схоластике, – скажем, на христианском неоплатонизме. Это в той или иной степени осознается всеми либеральными аналитиками, но почему-то любую неправовую легитимность принято называть «религиозной». А там, где всплывает слово «религия» – сразу включаются схемы: «православие vs католичество», «православие vs протестантизм». Это мешает осознать реальную природу явления. Ведь легитимность фашистского режима – совершенно не религиозная. Она строится на аффектах, связанных, например, с национальным унижением, социальными и культурными страхами, наконец, с личным обаянием дуче или фюрера.

И тоталитаризм не согласится на такую формулу: «всякая власть от Бога», – поскольку вопрос о власти для него ключевой: *чья* власть, – какой партии, класса, расы, какого вождя, – это для тоталитаризма принципиально... Нужно, чтобы именно его власть и была богом, а любая другая – дьяволом. Его власть должна восприниматься как безальтернативная, как единственная: иначе – самые катастрофические сценарии: приход к власти реакционной буржуазии, троцкистов, мирового еврейского капитала, агентов иностранного влияния...

И конечно, восточный фатализм, исторический пессимизм в духе Леонтьева, если и свойствен русским, то едва ли из-за влияния Византии. У нас – свой опыт. Великороссы подавлены слепой и косной мощью природы и государства, грубых иррациональных сил истории, – опричнины, смуты, крепостного права, коммунистического террора. При этом мы не имеем положительного, успешного опыта самоуправления и правового, в рамках демократических институтов, решения проблем. Отсюда у народа аффективные, «эстетические», «романтические» электоральные предпочтения, вместо разумного, этически обусловленного выбора, который не рассматривается как возможный. К религии этот механизм не имеет отношения.

Наша матрица – это скорее опыт советских поколений, хитрость маленького человека. Этот человек не ищет дополнительных страданий от власти, – ради того же духовного самосовершенствования, – а наоборот,

стремиться минимизировать эти страдания, применяя в том числе психологические стратегии адаптации (хотя может для этого использовать и религиозную риторику). Все-таки мы имеем дело уже с секулярным, урбанизированным обществом, которое проходит, как это было и в Западной Европе, через характерные для процесса модернизации срывы. Как из них выбраться – это уже другой вопрос. Но избавиться от ненужного комплекса мнимой культурно-конфессиональной неполноценности мы можем уже сейчас.

Эдуард Зибницкий
Опубликовано на Kasparov.ru